

Кварелашвили Михаил
Давидович

25 сент. 1976 г.
«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

КАК СТАЛ ПЕВЦОМ ДРАМАТИЧЕСКИЙ АКТЕР...

Я ЗНАЮ Михаила Давидовича Кварелашвили еще с молодых лет. Наша юность прошла в стенах театра имени Руставели. Это были двадцатые и начало тридцатых годов, эпоха расцвета грузинского театра, во главе которого стоял чародей искусства Котэ Марджанишвили, а позже — пламенный и неукротимый новатор сцены Сандро Ахметели.

Закончив театральный институт весной 1925 года, Михаил Кварелашвили в числе лучших был принят в театр Руставели. Как и вся молодежь, он был занят в массовых сценах. А так как лучшие спектакли Сандро Ахметели строились, в основном, на участии массы, живой, действенной, молодежь несла на своих плечах немалую нагрузку. От юных участников спектаклей требовалось многое: актерская техника, выразительность, ритмичность, музыкальность, темперамент, умение владеть жестом.

Миша играл свои безмолвные роли со всей серьезностью и ответственностью профессионала. При его юности это особенно трогало руководителя театра Сандро Ахметели:

— Сколько в этом юно-

ше искреннего простодушия и, вместе с тем, сознательной организованности и самодисциплины, — говорил он, и вскоре стал поручать ему эпизодические роли.

А потом Михаил Кварелашвили обрадовал его еще одним. Во время репетиции одного из спектаклей открылся его удивительной красоты лирический тенор, мягкий, гибкий, проникновенный, одинаково сильный и ровный во всех регистрах.

Как сейчас вижу, слышу третий акт спектакля: пир у хевсуров, широкое народное празднество, живописные группы, расположившиеся среди зеленых холмов... Звонит и ширится хор молодых голосов могучий, раздольный, страстный... Изумительная по красоте и задушевности народная мелодия! В хоре

выделяются, прихотливо переплетаются, то расходясь, то сливаясь воедино, два чудесных голоса: хрустальный тенор Миши Кварелашвили и бархатный баритон актера Максима Микадзе. Им отвечают, словно вздыхая, колокольные басы пожилых хевсуров...

Сандро Ахметели, разумеется, не оставил без внимания вокальную одаренность Кварелашвили и рекомендовал его профессору консерватории О. А. Шульгиной. Но из театра не отпустил:

— Оперный артист должен быть и хорошим драматическим актером!

Несколько лет Миша старательно совмещал занятия вокалом с репетициями и спектаклями в театре. Это тоже было испытанием его выдержки и работоспособности. В 1932 году М. Ква-

релашвили с отличием закончил консерваторию. Дебют для молодого певца — событие огромного значения, нередко предопределяющее дальнейшую его судьбу. Сандро Ахметели хорошо знал об этом. Он несколько раз побывал на репетиции «Даиси», в которой Мише была поручена роль Малхаза.

— Великолепно поет, — говорил он. — Играет, как драматический актер. Алеша (Цуцунава, режиссер спектакля — Т. Ц.) бережно его «ведет». Но... все же я боюсь за него! Он еще так молод. В последний момент могут сдать нервы. Испугается, выступит ниже своих возможностей. Мы должны его поддержать!

В день дебюта Сандро Ахметели отменил спектакль «Салтэ» для того, чтобы весь коллектив — актеры, технический персонал, капельдинеры — мог присутствовать на «Даиси».

В тот вечер мы волновались, должно быть, не меньше дебютанта. Мы, руставеловцы, рассеялись по всему залу: в партере, в амфитеатре, в ложах, на ярусах, на галерке...

Завершается увертюра. Раздвинулся занавес... За кулисами раздался трепетный голос Миши — Малхаза. Голос звенящий, страстный, взволнованный, звучащий, как натянутая струна, с первых же фраз покосил слушателей. И когда Малхаз легко и стремительно выбежал на сцену, в зале долго не смолкали аплодисменты. Миша стоял обрадованный, растерянный, счастливый, обводя сияющим взглядом ряды кресел, балконы.

Уже первая ария и первый выход молодого артиста — яркий, красочный, чисто наш, «руставелев-

ский», — решили судьбу дебюта. Арию «Таво чемо!» он спел с такой пронзительной болью, с такой тончайшей нюансировкой, что зал замер и слушал его, затаив дыхание. В антрактах только и разговоров было — о новой звезде вокала. Это была победа! Настоящая, серьезная, безоговорочная.

Но не таким человеком был Миша Кварелашвили, чтобы погнаться за славой, забыть друзей и старые привязанности.

На следующий день после дебюта он пришел к нам домой (мы жили тогда в здании театра на четвертом этаже, там, где теперь находится театральный институт). Помню, я вошла: он и Саша, оба взволнованные до слез, обнявшись, сидели вдвоем на кушетке, Миша говорил:

— Я буду продолжать участвовать во всех спектаклях, батона Саша, если позволите! Я не хочу уходить навсегда! Ведь я вам нужен, правда? Нужен? Так не заменяйте меня никем, прошу вас! Я буду совмещать. Я сумею. Не подведу вас. Честное слово. Поверьте мне!..

Саша сидел, опустив голову, растроганный до глубины души. Конечно, он ждал и надеялся, что Миша поступит именно так. И не ошибся...

Прошли десятки лет... Разумеется, в жизни Михаила Давидовича — актерской и личной — далеко не все было безоблачно. Но через испытания «на прочность», выпавшие на его долю, он пронес душу, не затуманенную низменными чувствами, и совесть ясную, чистую, достойную его таланта.

Таким народного артиста Грузинской ССР Михаила Кварелашвили, справившего недавно свое семидесятилетие, знают, любят и почитают все те, кто помнит его в молодые годы и те, кто ныне учится у него в театральном институте. Учится не только владеть своим голосом, но и науке быть настоящим человеком.

Т. ЦУЛУКИДЗЕ,
заслуженная артистка Грузинской ССР.